

Хранитель Бездны

Автор:

Денис Бушлатов

Хранитель Бездны

Денис Бушлатов

В этом городе никогда не светит солнце. Серые, разрушающиеся здания тарачатся бельмами-окнами. У обочин дорог тут и там стоят, вросшие в асфальт, ржавые, мертвые автомобили. Здесь не поют птицы. Не смеются дети. Лишь тихо шепчутся о чем-то желтые листья. У города нет ни прошлого, ни будущего. У города есть тайна. Роман «Хранитель Бездны» погружает читателя в пучину липкого, безостановочного кошмара. Какие тайны скрываются за стенами обветшалых домов? И стоит ли разгадывать эти тайны?

Денис Бушлатов

Хранитель Бездны

На стеклах нарастает лед,

Часы твердят: «Не трусь!»

Услышать, что ко мне идет,

И мертвой я боюсь.

Анна Ахматова

Когда дом жизни остается открытым и брошенным, в него может войти то, чему мы не знаем имени.

Артур Мейчен

Пролог

Утонувшие в тумане дома казались сотканными из облаков. Воздух был сырым и по-утреннему холодным. Пахло травой и хвоей.

Под ногами хрустело. Он опустил голову, но плотные клубы тумана полностью укрыли тропинку – будто там, под молочной завесой, ничего нет и он ступает по хрустящей пустоте.

Перед ним, на расстоянии вытянутой руки, материализовался забор из черной мокрой древесины. Он прикоснулся к разбухшему дереву: ощутил его шершавую рельефную поверхность, пробежался пальцами по трещинам и, поежившись от внезапно возникших мурашек, побрел дальше.

Звуки в тумане распространяются странно: порой далекое уханье совы слышно так, словно прямо над головой пронеслось неведомое чудовище. Он слышал, как хлопает калитка, но не мог понять – ни в каком направлении идти, ни насколько далеко расположен вход во двор.

Впрочем, оказалось, он шел верно. Пройдя лишь несколько шагов, он почти наткнулся на рассохшуюся кривобокую калитку, скрипящую на ветру. Прямо на досках была прибита табличка, однако надпись на ней расплылась со временем и превратилась в гротескную кляксу, внушающую беспокойство и легкий страх.

Не медля и не задумываясь, он дерзко толкнул калитку и под скрип ржавых петель вошел во двор. Все так же хрустело под ногами. Казалось, туман вытянул жизнь из звуков – хруст был глухим и плоским, нарисованным.

Он невольно усмехнулся своим мыслям: «Можно ли нарисовать звук? Можно ли услышать цвет? Увидеть... увидеть то, что находится за пеленой тумана?»

Ветер в ответ подхватил марево и разорвал его на длинные тягучие полосы. В образовавшейся брешу показались ступени, такие же черные и прогнившие, как и забор. Стараясь не обращать внимания на растущий страх и давящее, распирающее ощущение в животе, он поднялся по лестнице на веранду, в абсолютной темноте нащупав для опоры перила рукой, и тотчас же, содрогнувшись от отвращения, отдернул ее от мокрой и скользкой поверхности.

Хруст под ногами сменился столь же глухим и безжизненным скрипом гнилых досок. Стоя на террасе, он не мог видеть весь фасад дома, все еще полустертый туманом, однако явственно различал оконный проем, накрест забитый досками, возле которого под низким навесом находилась входная дверь, грубо и наспех слепленная из разномастной древесины. Дверь была плотно закрыта, однако время и влажность сделали свое дело – щели между досками были настолько широки, что стоило ему присмотреться, и он увидел бы внутреннее убранство дома. Однако мысль о том, что для этого придется прижаться щекой к блестящей и разбухшей от гнили поверхности, вызвала сильный приступ тошноты.

Замерев в нерешительности, он все же протянул руку и коснулся дверной ручки. Дернул... и чуть не растянулся, поскользнувшись на мокрой террасе, а дверь, неожиданно легко поддавшись, с каким-то почти чавканьем приоткрылась на несколько сантиметров и застряла, будто что-то в темной прихожей потянуло ее обратно.

Он застыл, не выпуская ручку, борясь с нарастающим желанием повернуться и бежать, бежать прочь из этого жуткого места. Как только он представил себе, что уходит, нет – улепетывает со всех ног, по колена проваливаясь в густой рассветный туман, что-то внутри него отозвалось болезненным толчком, и он услышал, или ему показалось, что он услышал, тихий настойчивый шепот:

«Хорошо-о... – протяжно шептало нечто внутри, – хорошо-о-о...»

Он зажмурился и, решительно отогнав морок, опять потянул за ручку – дверь поддалась неохотно, со скрежетом, и скрежет этот почти заглушил разочарованный вздох в его голове.

Тьма за дверью была непроглядной. Ступить в этот мрак – попасть в топь.

Он не хотел. Все его естество противилось самой мысли о том, что ему придется находиться внутри этого гнилого черного дома. Но каким бы сильным не был страх, он чувствовал что стоит ему развернуться и побежать, как нечто внутри него возликует и... Что тогда? Почему-то, он знал, что последствия такого решения будут необратимы не только для него, но и...

– Что со мной? – он застонал и, с опаской опершись на дверной косяк, притаился в нерешительности, нелепо прижав руку к горячему лбу. Зажмурившись от острой боли в висках, пересилил себя и, подобно человеку, шагающему с крыши многоэтажки задержав дыхание, на ватных, подкашивающихся ногах ввалился всем телом в мрак прихожей.

В ушах его возмущенно визжало существо, запертое внутри.

Уже не удивляясь и не вздрагивая, ни на миг не прекращая движения, он решительно развернулся к двери лицом и с силой потянул ее на себя, отрезая путь к отступлению.

Дверь захлопнулась с тем же влажным гнилым чавканьем, и он остался наедине с непроглядной тьмой.

– Будем жить здесь, – прошептал он, – здесь и проживем.

И улыбнулся темноте, ощущая, как чужая ненависть переполняет его.

Часть 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАИНА

Память о солнце в сердце слабеет. Что это? Тьма? Может быть! За ночь прийти успеет Зима.

Глава 1

– ...задача, не нам помочь, а нас же и уничтожить. Нашими руками.

Пьяный голос, с трудом продираясь сквозь винные пары и табачно-дымовую завесу, вырвал его из пучин тьмы. Преодолевая сопротивление век, он с усилием разлепил глаза и тотчас же поморщился от пульсирующей тупой боли в висках. С трудом соображая, повертел головой, стараясь собраться с мыслями и сфокусировать расплывающийся взгляд (прищуриваясь и отчаянно кривляясь), – и в полном недоумении уставился на своего собеседника.

Пожилой. Морщинистое пропитое лицо. Налитые кровью глаза, утонувшие в темных набрякших подглазинах; щеки, испещренные алыми молниями лопнувших сосудов; дряблые мокрые губы, растянутые в пьяненькой полуулыбке, обнажающие желто-черные, кое-где сгнившие до пеньков зубы.

– Уроды! – оживился собеседник, заметив удивленный взгляд и приняв его как знак внимания, – я еще при коммунистах говорил... – он на миг потерял нить беседы и с тупой ненавистью уставился на полупустой грязный стакан с прозрачной жидкостью, что стоял прямо перед ним на почерневшей от времени барной стойке, – говорил... что не к добру все это. Весь этот... – он помахал рукой в воздухе, – Горбачев, тля фашистская, путч этот. Они уже тогда все поделили, сечешь, Кирюха?

– Я – кожник... – он икнул, – не, так неправильно. Кожевник. Во. Работаю по коже. Хошь по поросычьей, а хошь по человечесьей. Могу... Могу такие рисунки забабахать, шо держись!

«Меня зовут Кирилл, – имя повертелось у него на языке как подозреваемый на очной ставке и показалось знакомым, но непривычно звучащим, – а может, и не Кирилл...» Впрочем, за неимением лучшего, и это подойдет.

Память, в полном замешательстве, как маленький не вовремя разбуженный несмышлениш, не выдавая ничего вразумительного, яростно отстреливалась слепящими сполохами желтого света, вызывающими еще большую боль в висках, и услужливо подкидывала отдельные фрагменты недавнего кошмара, в котором он брел навстречу неведомой тьме посреди туманной пустоты.

Кивнув автоматически в ответ на очередную бредовую реплику собеседника, он огляделся украдкой, все еще пытаясь сфокусировать взгляд. К удивлению своему, он понял, что пьян, ну или по крайней мере явно нетрезв. Во рту ощущался омерзительный привкус плохой водки и... определенно табака. Странно, ведь он не курит... А почему бы ему в самом деле и не курить, да и откуда ему знать? Он ухватился было за мелькнувшее воспоминание, но оно растворилось в глубине его опустошенной памяти без следа.

Он находился... предположительно, в баре, причем в баре самого низкого пошиба – скорее в наливайке, с соответствующим контингентом. Небольшое задымленное помещение с двумя маленькими наглухо закрытыми окнами под грязными и ветхими занавесками; несколько тусклых допотопного вида ламп на желтом с черными подпалинами потолке; пять-шесть столов, забранных клетчатыми скатертями – даже в сигаретном чаду он автоматически отметил, что скатерти не мыли, пожалуй, никогда. Длинная, некогда полированная барная стойка, вдоль которой стояли барные стулья с разлезшейся от ветхости обшивкой и бесстыдно вылезшей ватой. Вздувшийся линолеум под ногами, рисунок на котором, быть может когда-то, изображал паркет, но влага и грязь превратили его в нечто совершенно потустороннее.

Под стать заведению были и посетители. От его собеседника, беспощадно орущего прямо ему в лицо, жутко воняло застарелым потом, водкой и едкими дешевыми папиросами, одну из которых он крепко сжимал черными от въевшейся грязи пальцами. Кроме них был здесь еще один посетитель – на барном стуле сидела женщина в длинном красном платье и серой синтепоновой куртке с эмблемой олимпиады на спине. Она то и дело механически подносила ко рту пивной бокал с ядовито-пенящимся содержимым и, сделав глоток, тотчас же затягивалась сигаретой, выпуская сизый дым в потолок. Лицо ее, изможденное и старое – лицо умирающей от непосильных трудов лошади, было испещрено глубокими морщинами. Тени и помада были наложены столь грубо, что создавалось впечатление, будто кто-то смеха ради разукрасил ее клоуном.

Ее волосы, когда-то покрашенные в оскорбительно-рыжий цвет, торчали в разные стороны, как у пугала. С омерзением он отметил блестящие жирные проплешины. Почувствовав его взгляд, она подняла руку, ту, в которой была зажата сигарета, и он подумал было, что она собирается прикрыть лысину, но вместо этого она принялась чесаться, глубоко вонзая ногти в розовую кожу.

Напротив нее одутловатой необъятной горой, рядом с которой вся мебель выглядела игрушечной, грозно нависал бармен – мужчина в когда-то белом, по всей видимости поварском, халате. Он тяжело дышал – многочисленные подбородки колыхались студнем; жирные губы то и дело вытягивались в трубочку, жадно всасывая в себя воздух. Бармен опирался руками-лапами с огромными жирными пальцами на барную стойку и, понурив голову, исподлобья наблюдал за посетителями сквозь прорези век.

Кроме них в баре находились еще несколько человек, занявших один из свободных столиков в углу. Над ними висело облако тяжелого дыма. Посетители переговаривались низкими гортанными голосами. То и дело их беседа взрывалась коротким лающим смехом.

– Что, Киря, заскучал? Водка не в то горло пошла?

Он уставился на соседа. Надо было что-то сказать. Или, быть может, выдать себя и спросить напрямую: что здесь происходит? Где он, черт подери, находится? Впрочем, последняя мысль показалась ему не самой удачной. Он пьян, ...должно быть, сильно пьян. Алкогольный... «палимпсест» – слово услужливо выскочило из темного омута памяти, и даже не вполне уверенный в правильности термина он успокоился. Ведь если он с такой легкостью вспомнил столь сложное слово, то и все прочее всплывет.

Он закашлялся, с омерзением ощущая все тот же привкус табака во рту. Встал... вернее, сполз с высокого стула.

– Я... – еле ворочая языком, как будто он давно не использовал речевой аппарат. – Мне нужно в туалет...

Сосед заулыбался, обнажая жуткие зубы.

– Ну конечно, конечно. С тобой, Киря, не попьешь. То одно, то другое. Ну, иди. Я тут... – он неожиданно раскатисто и влажно рыгнул, – посижу.

– Антоха! – в сторону гиппопотамьей туши бармена. – Плесни в стакан, а то ты мне пустой принес, – и рассмеялся в восторге от собственной шутки.

* * *

Оббитая растрескавшейся фанерой дверь с наискось приклеенным пластмассовым трафаретом, изображающим писающего мальчика, находилась слева от барной стойки. Осторожно ступая по липкому линолеуму, он подошел к туалету и, немного помедлив, потянул за ручку: всматриваясь в непроглядный мрак перед собой, он почувствовал себя на пороге давешнего сна. В нос шибануло воню.

Он отступил на шаг и только через несколько невероятно долгих секунд сообразил, что следует включить свет. Нашарив выключатель, нажал на него и еле удержался от крика, прикрыв ладонью рот.

В неверном свете лампочки без абажура, уныло свисающей с растрескавшегося потолка, помещение выглядело куда ужаснее. Прямо перед ним, на небольшой ступеньке, находился унитаз – желтовато-белый и на удивление чистый. На треснувшем бачке сидела жирная облезлая крыса и сверлила его красными бусинками глаз. Лениво и как-то неловко она повернулась к нему спиной и, боком соскользнув с бачка, плюхнулась на заплесанный и залитый мочой кафельный пол. Столь же медленно и неуклюже поплелась прочь, то и дело отряхивая лапки.

Справа от унитаза находился умывальник с капающим ржавым краном. Кто-то ради хохмы написал прямо на чаше умывальника неприличное слово и указал стрелкой на отверстие слива. Судя по запаху, посетителям эта шутка пришлась весьма по вкусу.

Над умывальником когда-то, в лучшие времена, висело зеркало – о нем теперь напоминало пятно относительно незагаженной плитки.

Преодолев отвращение, он повернулся спиной к унитазу и попробовал было прикрыть дверь, но замок был разболтан и дверь закрывалась не полностью.

– А и черт с тобой! – выругался он.

Подошел к умывальнику и после недолгих раздумий открыл кран рукавом куртки, стараясь ни к чему не притрагиваться голыми руками.

Трубы издали низкий протяжный звук, и кран изверг из себя тонкую струйку ржавой вонючей воды.

– Да что же это... – он содрогнулся от омерзения, разглядев в струе ком седых волос, который приклеился к внутренней поверхности крана и вот теперь нашел время, чтобы шлепнуться в умывальник жирной омерзительной водорослью.

Нет, нельзя на это смотреть. Какого дьявола он здесь делает? Нужно... нужно позвонить. В такси, а там домой, к черту на кулички, но... Где его дом? Куда идти? Пожалуй, стоит вызвать «скорую», а то и... другую «скорую» – у него явно галлюцинации.

Боль в висках становилась положительно нестерпимой. Он застонал и сжал голову в ладонях. И неожиданно почувствовал ломоту в костяшках пальцев на левой руке, словно мигрень каким-то образом перетекла в кости ладони. Он отнял руку от виска и недоуменно уставился на нее. На мгновение, ему показалось, что костяшки сбиты до мяса, но присмотревшись, он понял, что неверный свет сыграл с ним злую шутку-кожа была абсолютно целой, желтушной под лучами слабенькой лампочки. Чепуха... Сейчас не до того...

Должна же быть какая-то зацепка?! Ключи от квартиры быть может, или визитки. Опустив руку в карман куртки (автоматически отметив добротную кожу), он из него не выловил ничего, кроме нескольких мятых купюр. В другом кармане было пусто.

Однако удача не полностью отвернулась от него: в заднем кармане джинсов вместо ключей обнаружилось портмоне – мягкое, дорогое, судя по виду, и плотно набитое. Дрожащими руками открыв его, он тотчас же с тревогой бросил взгляд на полуоткрытую дверь, но за нею никого не было.

Кошелек был полон денег. Были там и доллары – в основном сотенные купюры – и евро. Кредитные карточки и... сердце зачастило – вот оно! Под тонким прозрачным пластиком – водительское удостоверение!

Он вытащил прямоугольную карточку и замер.

Нет, конечно же, его звали не Кирилл. Не Кирюха и даже не Киря.

Судя по документу, выданному центром обслуживания ГАИ ГУМВС в Ташлинской области, он – Сухарев Андрей Евгеньевич, 12 апреля 1978 года рождения.

Сбоку, там где полагалось быть фото, зиял оплавленный черный овал.

«Сухарев»... «Сухарев – Сухарев», Сухарев... К ужасу своему, он понял, что и это имя ему совершенно ни о чем не говорит – не вызывает ни ассоциаций, ни ощущения причастности. Нет, определенно, у него проблемы куда более серьезные, нежели клятый палимпсест. Быть может, ему подмешали клофелин в водку, но тогда почему злоумышленники не забрали кошелек, ограничившись порчей прав? Да и что он забыл в этом ужасном месте – недешевая одежда и приличная наличность не совсем соответствовали завсегдаю таких заведений...

Что же... Стало быть, Сухарев. Андрей Евгеньевич. Не такой уж и старый и, судя по всему, не такой уж и бедный.

Он снова порылся в кошельке и после недолгих поисков выудил регистрационный талон на ... ого... положительно, не такой уж и бедный... AUDI А6. Осознание того, что машина новая и довольно дорогая, пришло автоматически. Видимо, он разбирался в автомобилях. Впрочем, как он не напрягался, но вызвать в памяти образ собственной машины (цвет черный, регистрационный номер ВН0019ТИ) не удавалось. Волна нетерпения, заставившая его непослушными руками обхлопать карманы в поисках ключа от машины или мобильного телефона, схлынула, сменившись полным штилем разочарования, когда не обнаружилось ровным счетом ничего.

Быть Сухаревым определенно лучше, чем алкоголиком Кирей. Рано или поздно память вернется.

Словно в подтверждение в углу кабинки раздался негромкий писк. Он, вздрогнув, повернулся и встретился взглядом с уже знакомой крысой. Та ощерилась, еще раз воинственно пискнула и скрылась в черной дыре в стене.

Кое-как пригладив волосы, он вышел из туалета, мстительно погасив свет – пусть крыса помается в темноте.

* * *

У него не было ни малейшего желания оставаться в задымленном баре. Быстрым шагом он приблизился к барной стойке, за которой понурившись сидел его давешний собутыльник и, казалось, спал. Впрочем, стоило ему подойти, как мужчина приоткрыл заплывшие глаза и довольно буркнул:

– Чта... с облегченьемцем? Я тут без тебя дерз-знул, и заказал...еще, вот, по пятьдесят. И все. На сегодня, во всяком случае, верно, Киряандр?

– Меня зовут Андрей, – произнес он, с какой-то злостью смакуя незнакомое имя, – Андрей Евгеньевич Сухарев, а вот вашего имени, уважаемый, я не припоминаю.

Мужчина уставился на него как на душевнобольного.

– Что-то ты Кирюхин, совсем сдал, – наконец произнес он на удивление трезвым голосом, – ты бы, старик, печень проверил...

Он неторопливо достал папиросу из смятой пачки и с некоторым усилием прикурил ее от зажигалки с полустершейся неприличной аппликацией.

Не реагируя на выпад, Андрей сделал знак бармену, но тот мимоходом глянул, слегка повернув в его сторону огромную голову и хрюкнув, отвернулся к полупустым полкам.

Андрей подошел к толстяку и уселся на высокий стул – прямо напротив. Бармен и ухом не повел, сосредоточенно протирая заскорузлой тряпкой засиженную мухами полку, на которой одиноко ютилась пустая бутылка из-под водки с отбитым горлышком.

– Послушайте, милейший, – стараясь говорить твердо и трезво, начал Андрей, – сколько там я вам задолжал? Счет... можно счет, пожалуйста?

Рыжеволосая карга слева от него залилась низким скрипящим смехом. Он в изумлении уставился на женщину. Та повернулась к нему, закинув ногу на ногу и широко ухмыльнувшись, облизала густо покрашенные губы.

– Поиграем, малыш? – просипела она, – любой каприз, как говорится...

Даже на расстоянии он чувствовал едкое густое амбре, исходившее от женщины.

Отвернувшись, Андрей в раздражении стукнул по столешнице кулаком, чем наконец привлек внимание бармена. Мужчина с некоторым усилием повернулся к нему, опершись на руки, внимательно и с какой-то холодной брезгливостью окинул его взглядом.

– Что... вы... шумите... – просипел он. Многочисленные подбородки заколыхались, щеки затряслись как холодец.

– Я. Попросил. Счет, – отдельно процедил Андрей.

Бармен неожиданно пискляво хихикнул:

– Счет... Тут не ресторан...

– Не пять звезд, мишлен, ага! – вставила карга.

– Ну да... не пять звезд, точно. С вас... А сколько бы вы дали? За все это? – бармен обвел жирными колодами рук помещение так, будто предлагал Андрею купить весь бар с прилегающей территорией.

Вопрос показался ему столь абсурдным, что он на некоторое время растерялся. Впрочем, в свете всего происходящего, абсурдность заданного вопроса была... весьма предсказуемой. Он, возможно, не удивился бы, достань бармен из-за пазухи ободранную скрипку и заиграй, положим, ...что там играют скрипачи? На ум пришло несколько диких еврейских мелодий.

– Просто скажите, сколько я должен...

Видимо, здесь принято издеваться над чужаками. Называть их Киряндрами и предлагать плотские утехи с вышедшими в тираж проститутками.

А и пусть. Он расплатится и уйдет. Все, что ему нужно... Но, позвольте, позвольте, куда ему идти?

Не совсем понимая, что он делает, Андрей снова достал из кармана кошелек и, раскрыв его, внимательно уставился на адрес, указанный на правах. Как и собственная фамилия, адрес не вызвал чувства облегчения от узнавания, однако это, несомненно, была зацепка.

Сзади раздался тихий удивленный свист.

Повернув голову, он увидел, что компания за дальним столом с нехорошим любопытством разглядывает его, точнее, пухлый кошелек, что он держал в руках. Встретившись с ним взглядом, мужчины спешно отвернулись и обменялись несколькими тихими фразами на странном гортанном наречии. В руке одного из посетителей он, к ужасу своему, увидел нож-бабочку – тот спокойно и профессионально вертел его открывая-закрывая. Мужчина поймал его взгляд, ослабившись, поднял лезвие ножа к горлу и выразительно провел по горлу от уха до уха. И подмигнул.

Андрею стало зябко. Потерять память... потерять память – это, черт возьми – хреново, но оказаться зарезанным в какой-то жуткой потусторонней бодеге – совсем из рук вон.

– В общем, так, – он, не глядя, вытащил из кошелька крупную купюру, отметив только, что это была национальная, а не свободно конвертируемая валюта, и протянул ее человеку-слону за барной стойкой. – Это за меня и... – он указал в сторону своего недавнего спутника, сосредоточенно курившего смрадную папиросу, – за этого вот товарища. Сдачи не надо.

Бармен, не говоря ни слова, сгреб купюру сарделькообразными пальцами и засунул ее в карман халата.

- И еще, - Андрей старался говорить быстро и тихо, не привлекая внимания компании в углу, - у вас есть... телефон?

Мужчина замер, и в его глазах появилось какое-то новое, необычное даже для этого странного места выражение.

- Те-ле-фон? - по слогам переспросил он.

- Да, вы можете вызвать такси?

Крошечные глазки бармена расширились. Он хрюкнул, совсем как свинья, и сосредоточенно потер блестящий жирный нос.

- Такси? - еще более удивленно протянул он.

Андрей почувствовал, как волна раздражения вытесняет страх.

- Такси. Телефон. Земля вызывает Марс, алло! Вон та штука за вашей спиной, - он указал пальцем в сторону древнего дискового телефона, что примостился на нижней полке.

Бармен поглядел на аппарат с таким видом, будто увидел его впервые. Повернулся к Андрею и как-то по-детски передернул плечами.

- Это... не работает...

- Хорошо. Не работает, и хрен с ним, - Андрей похлопал себя по карманам и с негодованием вспомнил об отсутствии мобильного, - а мобильный есть у вас? Я оплачу, разумеется, сколько там за звонок...

Вместо ответа бармен тяжело задышал и принялся нелепо переступать с ноги на ногу.

- Здесь... не ловит, - наконец буркнул он, - да и куда вам ехать, в конце концов?

– Да, куда тебе ехать в конце концов? – донеслось из угла, – оставайся с нами, присядь, выпей с пацанами, окажи уважение, а?

Он повернулся и увидел, что все сидящие за дальним столом теперь смотрят на него. Мужчины издевательски улыбались.

– Мне... нужно... – Андрей понял, что снова забыл адрес. Нервно раскрыл кошелек и указал бармену на крошечные буквы на водительском, словно в дымном полумраке можно было что-то разглядеть, – по этому адресу. Можно вызвать такси?

– Отсюда одна дорога... В город. Туда никакие такси не ходят, – отрезал бармен.

– В город! – заржал один из парней за дальним столом.

– В какой... город?

Бармен снова уставился на Андрея с изумлением, к которому теперь примешивалась толика... был ли это страх? Да, несомненно, – страх.

– Тут один город, – наконец, пробурчал он, – и такси...

– Я понял уже. Как далеко этот ваш город? – желание уйти из бара становилось невыносимым.

– Далеко? Верст двадцать пять будет, пожалуй, но это смотря когда, – мужчина недоуменно запыхтел, – а тебе пошто?

– Я так понимаю, что вы отказываетесь вызывать такси, верно?

– В город? Ты хочешь ехать в ГОРОД?

Казалось, что только теперь бармен понял, чего от него добиваются. Он отпрянул, почти задевая полки за спиной, и даже приподнял руки, закрываясь каким-то совершенно детским беззащитным движением.

– Господь с тобой! Никто не повезет тебя в Город!

Что-то изменилось. Загустел чадный воздух в баре. Рыжеволосая карга перестала хихикать, да так и замерла в напряженной позе, чопорно поджав губы и опустив глаза. Молодчики за крайним столом, как по команде, отвернулись от Андрея и, склонившись над бокалами с пивом, принялись тихо бормотать, то и дело бросая на него осторожные, испуганные взгляды.

– А ты оставайся здесь! – с наигранным радушием разулыбался толстяк, – ну, поживешь у нас на заправке, там лежачок мы тебе справим, на работу, опять же, устроим здесь. Ну, хозяйство-то у меня немалое, – он окинул взглядом задымленный зал, – всяко руки не помешают!

Вся эта чертовщина положительно выходила за рамки. Злость вытеснила страх. Он и думать-то рационально не мог в эту секунду.

– Послушайте, – осторожно, как к душевнобольному, обратился он к бармену, – вы мне только скажите, в какую сторону идти, я и пойду. Все эти ваши версты пройду, а там, глядишь, встречу... ну ямщика али обоз какой... Поди, волки меня и не съедят...

– Там нет волков, – внезапно прошептала рыжеволосая старуха, сверля глазами столешницу, – они всех волков...

Бармен громко кашлянул, и женщина осеклась.

– Так, значит, – скороговоркой зачастил толстяк, – как выйдешь, от заправки направо шоссе. Дальше – по указателям. И дверь закрой за собой! – последние слова он почти выкрикнул.

Андрей в недоумении пожал плечами и пошел к выходу, спиной ощущая взгляды посетителей. Толкнул скрипучую дверь рукой и, не оглядываясь, покинул помещение.

На улице было по-осеннему зябко и неожиданно светло. Отчего-то Андрей был уверен, что за окном ночь – быть может, тому виной была грязь, жирным слоем покрывавшая стекла бара, да заскорузлые темные занавески, создававшие дополнительное препятствие для дневного света.

Он огляделся, подсознательно пытаясь найти знакомые ориентиры, однако память упорно отказывалась реагировать на окружающий пейзаж.

Непосредственно перед его глазами был расположен ржавый насквозь остов бензоколонки. Два когда-то красных насоса казались облитыми кислотой. Краны мертвыми змеями валялись на растрескавшемся асфальте, увитые желтым сухим плющом. Навес из поликарбоната пестрел дырами, сквозь которые виден был металлический рыжевато-черный каркас. Неподалеку, на фоне низко нависающего серого неба, нелепым пальцем указывал вверх длинный почти с полностью облупившейся краской столб. На самой верхушке его располагался потрескавшийся знак с полустершейся эмблемой, изображающей восемь стрел, разлетающихся в разные стороны прочь из центра, – черной грубо намалеванной точки-глаза; краска в этой точке сохранилась лучше всего, и создавалось впечатление, что в центре эмблемы зияет неровная дыра.

У самого столба была припаркована древняя «Победа». Машина была щедро присыпана опавшей листвой.

При заправке когда-то находился и магазин – его скелет с выбитыми стеклами неприветливо скалился дверным проемом. Сама дверь валялась неподалеку – сквозь нее редко проросла желтая чахлая трава.

Из-за угла магазина шаткой неестественной рысью выбежала необычайно длинная худая собака. Остановившись в нескольких метрах от Андрея, она повернула к нему седую морду, вывалила малиновый язык и неожиданно широко улыбнулась, будто признав в нем старого знакомого. Повиляла облезлым хвостом и побежала дальше.

Он сделал несколько шагов вперед и, оглянувшись, посмотрел на бар, уродливым коробом возвышавшийся над ним. Фасад здания был когда-то забран

белым щегольским профнастилом. Несколько листов отвалилось да так и валялось под ногами; остальные растрескались, казались грязными и ветхими настолько, насколько это вообще было возможно. Простая двускатная крыша была и вовсе не подшита – Андрей хорошо видел гнилые доски. Под одной из балок свила гнездо ласточка (довольно крупная ласточка, судя по размеру гнезда, – автоматически отметил он про себя) – нелепый ком сухих веток занимал почти весь угол крыши.

Окна, казавшиеся грязными изнутри, с внешней стороны выглядели совершенно черными, словно кто-то намеренно замазал их слоем мазута, который изредка отсвечивал крошечными искорками чудом сохранившейся незапятнанной поверхности.

Над кособокой дверью черной краской было написано: «Бар Кордон». На самой двери висела древняя табличка, поясняющая, что заведение открыто ежедневно, без выходных, и работает до последнего посетителя.

Андрей обнаружил, что за ним наблюдают и, присмотревшись, увидел смутные очертания нескольких голов, прильнувших к грязной поверхности окон с другой стороны. Дверь тихонько скрипнула и в образовавшуюся щель протиснулась еще одна голова, принадлежащая его недавнему собутыльнику. Увидев смотрящего на него Андрея, мужчина смутился и принялся с неподдельным любопытством первопроходца осматривать окрестности, фальшиво посвистывая.

Андрей пожал плечами. Раздражение и злость сплелись в причудливый коктейль – он злился, и на своих недавних знакомцев из бара, и на себя, и на распроклятую амнезию... Злость помогала ему справиться с другим чувством, не оставляющим его с того момента, как он очнулся.

Страх.

Казалось, им был пропитан воздух. Страх угадывался в абрисе разрушенной бензоколонки и в выщербленном асфальте под ногами, и в неестественно длинной улыбчивой собаке. Страх был в каждом шорохе, в скрипе сухих ветвей склонившегося под легким ветерком тополя, в шелесте старой газеты, зацепившейся за оконную раму магазина. Страх был в сером бескрайнем небе и в трепещущих в поднебесье черных силуэтах птиц.

Нет, ни в коем случае нельзя поддаваться эмоциям. Он напился, или... его отравили, подмешали что-то в питье, возможно, украли машину – это объяснило бы отсутствие ключей и телефона в кармане. Быть может, грабители в спешке не заметили кошелек, а может, и пожалели незадачливую жертву, оставив ей кругленькую сумму в качестве компенсации за отобранную собственность. История показалась ему высосанной из пальца и явно не налазила даже на самую больную голову, но при наличии отсутствия, как говорится, пока представлялось, что все случившееся с ним – не факт. Это гораздо больше, чем факт. Так оно и было на самом деле.

Теперь важно добраться до телефона, уж коль никто из деградантов-посетителей не собирается ему помогать. Да и не было у него ни малейшего желания оставаться в этой грязной наливайке, где, чего доброго, его прирежут и отберут последние деньги. Положительно, нужно искать телефон. Наверняка по пути в город (как же называется этот чертов город?) есть и другие, работающие автозаправки. Оттуда можно вызвать помощь – ему не улыбалось топтать всю дорогу (верст двадцать пять, как сказал гиппопотам за барной стойкой). А там, домой, по указанному адресу, к врачам, в психушку, милицию, к чертовой матери – лишь бы подальше отсюда.

Он поглубже втянул голову в плечи – холод пробирал даже сквозь толстую добротную кожу, да и отсутствие шапки сказывалось – у него начали мерзнуть уши – и побрел в сторону дороги.

Проходя мимо рекламного столба, еще раз окинул взглядом «Победу». Несмотря на ржавчину и одеяло из желтой листвы, машина не производила впечатления брошенной. Скорее, складывалось впечатление, что хозяин оставил ее перед тем, как... зайти в бар и застрять там на неделю.

Выйдя за территорию заправки, он оказался на двухполосном шоссе. Серое, все в выбоинах и ямах дорожное полотно змеей уползало за далекий горизонт. По обе стороны дороги, насколько хватало глаз, тянулись бесконечные поля, поросшие увядшей травой и сорняками. Редко-редко корявыми пальцами торчали черные сухие тополя, посаженные у обочины.

В последний раз оглянувшись на бар (издалека здание казалось еще более неухоженным, вызывая омерзение), Андрей решительно побрел прочь, в сторону, указанную барменом.

– Будем надеяться, что он хоть направление указал верно, – пробурчал он и осекся: собственный голос казался неестественно плоским и совершенно незнакомым. Тишина, в которую он погрузился, была настолько плотной, что каждый звук бил по ушам нескрываемой угрозой.

Где-то залаяла собака. Лай перешел в вой, затем в визг, будто кто ударил пса. Эхом отозвался другой пес – вдалеке, за ним третий – и снова наступила звенящая тишина.

Поневоле Андрей ускорил шаг. Было сложно понять, который час – серые осенние сумерки могли свидетельствовать как о раннем утре, так и о надвигающейся ночи. Его совсем не вдохновляло идти по безлюдной дороге в темноте.

Но и возвращаться смысла не было.

Когда-то, будучи еще студентом, он оказался на улице без копейки денег, проводив свою пассиву на такси после дискотеки. В карманах у него оставалось несколько монет, смятая и почти пустая пачка сигарет и зажигалка.

Андрей пошел домой пешком, строго распределив оставшиеся сигареты и развлекая себя пением вслух. На тридцать второй песне Виктора Цоя он добрался до общежития. Седенькая вахтерша ни за что не хотела впускать его. Он и спорить не стал. Неподалеку рос кряжистый каштан. Полный пьяной удали, он вскарабкался на него и по тонкой, опасно потрескивающей ветке забрался на общий балкон, оказавшийся, впрочем, наглухо закрытым на ночь. Он закурил последнюю сигарету и встретил один из самых потрясающих в своей жизни рассветов.

Воспоминание пришло так ненавязчиво, что Андрей не сразу и понял, что произошло. Память возвращалась – пусть неохотно, обрывками – ничего не объясняющими кусками, но возвращалась.

Это приободрило его. Проанализировав эпизод еще раз, он сделал несколько зарубок на будущее. Выходит, что, будучи студентом, он курил, что не удивительно – почти все студенты курят. А потом бросил – вкус табака во рту удивил его. Более того, он был малый не промах – авантюрист, а это уже плюс... Будем надеяться, что плюс: порой авантюристы превращаются в рецидивистов –

а ему почему-то не особо хотелось вдруг вспомнить о том, что он серийный убийца в розыске. Впрочем, это вряд ли.

Разухарившись, он принялся насвистывать мелодию наугад и тотчас же всплыли слова к ней прилагающиеся. И не только к ней. Он понял, что знает наизусть по меньшей мере сорок, если не больше, песен группы «Кино»; помнит биографию Виктора Цоя... Судя по всему, он весьма неплохо ориентируется в русском роке («Харе слушать этот говнорок» – пробасил кто-то в голове. И он тотчас же вспомнил Ромку – вечно непричесанного панка с самодельными татуировками на предплечьях. Сутулого и пьяного Ромку, нелепо сгоревшего в собственной квартире незадолго до выпуска)... Да и не только в русском роке. На ум пришло несколько названий зарубежных групп. Вместе с названиями групп память услужливо подкинула ему и названия альбомов и песни, и... рифы, вот как это называется!

– Я умею играть на гитаре! – победно воскликнул он и тотчас же осекся – тишина поглотила фразу, не оставив и эха.

Быть может, он музыкант? гитарист? рок-певец?

Память сочла вопрошаемое вымогательством и, оскорбившись, смолчала. Что ж, хорошего понемногу. В конечном итоге, еще с час тому он не помнил и этого.

Андрей задумался на секунду и решительно затянул: «Но если есть в кармане пачка сигарет... – у него оказался приятный чистый голос, но сама песня звучала плоско, будто из мелодии была выжата вся жизнь, – Значит все не так уж плохо на сегооодняшний день!»[1 - Песня В. Цоя «Пачка сигарет»] – ...упрямо продолжил он. Вышло немного лучше.

Ну вот... теперь будет не так (страшно)... скучно идти.

Невольно Андрей оглянулся. Бар и разрушенная колонка стали неожиданно маленькими, почти игрушечными. Выходит, он порядком протопал. Поглядев вперед Впрочем, он не уловил ни малейших изменений. Все тот же безрадостный серый пейзаж, все те же бескрайние бледно-желтые поля. Неподалеку, умоляя небо о чем-то, вздымал ветви древний тополь. У основания ствола Андрей заметил белую поросль. Поравнявшись с деревом, он пригляделся и, заинтересовавшись, подошел поближе. Наклонясь, не сразу понял, что видит, а

осознав, – отпрянул с неожиданно сильным отвращением.

Это были грибы. Мертвенно-белые, на тонких, извивающихся ножках под широкими плоскими шляпками. Чем-то они напоминали поганки, но если в поганках угадывалась жизнь, то эта грибница казалась... больной. Грибы, извиваясь, опоясывали ствол; некоторые росли прямо из коры, свешиваясь над собратьями. Поверхность шляпок была блестящей, скользкой.

Андрей поймал себя на странной мысли. Ему захотелось... прикоснуться к одному из грибов, быть может сорвать его, и... попробовать. От одной этой мысли ему стало тошно, но ужасней всего было то, что даже тошнота не могла заглушить острого желания ощутить холодную скользкую мякоть во рту.

Он даже сделал шаг вперед, и буквально на мгновение ему показалось, что несколько грибов шевельнулось, поворачивая шляпки в его сторону. Миг – и морок прошел. Осталось вязкое, пресное ощущение во рту.

Он сплюнул горькой слюной и, отвернувшись, побрел прочь. Постепенно ощущение вязкости во рту исчезло, отступило и бредовое желание отведать поганок.

Видимо, это побочные эффекты... клофелина или другой дряни, что они там ему подмешали... В любом случае, важно как можно скорее дойти до телефона. Все прочее подождет.

Укутавшись поплотней, он ускорил шаги. Шоссе находилось в совершенно не пригодном для езды состоянии. То и дело дорогу пересекали огромные ямы – ужас водителя незнакомого с дорогой. Да и доскональное знание местной географии ходовую не спасет. Быть может поэтому, кругом ни души?

Пройдя, по собственным расчетам, еще километра два и спев дюжину песен Цоя, Андрей почувствовал первые приступы голода. Еще больше хотелось пить. Вот уж где не помешала бы припасенная заранее бутылка воды, купленная в том самом баре. Но, знал бы прикуп...

Он хмыкнул и, остановившись, огляделся.

Смотреть было не на что. Даже не обладая сильным воображением, можно было с легкостью представить себе, что разбитое шоссе петляет по кругу. Все то же низкое серое небо. Все те же поля и все те же тополя у дороги (он больше не испытывал желания подходить к ним). Ни дорожных знаков, ни обязательных для любой автострады следов человеческой деятельности у обочины. Где-то за облаками горестно курлыкали журавли.

Через некоторое время он обратил внимание на то, что его зрение значительно ухудшилось, замыленное однообразным пейзажем. Тополя, мертво покачивающиеся в сером мареве, утратили четкость очертаний; их ветви казались зыбкими и полуреальными.

Он прищурился, но зрение не прояснилось, словно перед глазами была дымка.

Андрей задумался на секунду и вдруг понял, что с глазами все в порядке.

Наступили сумерки.

А следовательно, скоро станет совсем темно.

2

Он вздрогнул и словно в ответ на эту произвольную дрожь где-то далеко позади раздался тихий гул. Одновременно справа от себя он скорее почувствовал, чем заметил, движение. Повернув голову, он ничего не увидел. Хотя... Он присмотрелся и с каким-то отстраненным любопытством отследил, как по полю параллельно ему перемещается некий неправильной формы объект. Движение было дерганым, скачкообразным. Поначалу Андрей подумал, что это заяц... чертовски большой заяц, учитывая то, что он находился от него достаточно далеко. Остановившись, он приложил руку козырьком и постарался разглядеть зверя в деталях, однако добился лишь того, что перед глазами заплескали черные мушки. Будто почувствовав его взгляд, существо замерло и мгновенно слилось с серым, темнеющим небом и пожухлой травой. Однако стоило Андрею отвернуться, и он снова уловил какое-то движение краем глаза. Резко повернув голову, он успел заметить, как таинственный объект сделал резкий и длинный скачок, на секунду черным трафаретом распластавшись в воздухе, и тотчас же исчез.

На расстоянии было совершенно невозможно оценить форму и размеры существа, но общие пропорции его показались Андрею неправильными, слишком неправильными.

Он прибавил темп, стараясь не обращать внимания на назойливое движение справа и все усиливающийся гул за спиной. Не осознавая своих действий, перешел на легкую трусцу, еле сдерживаясь, чтобы не рвануть со всех ног. Сердце неистово колотилось в груди. Несмотря на холодный воздух, ему стало жарко и тесно в плотной куртке. Он заставил себя остановиться, еще раз бросил взгляд направо, однако на этот раз ничего не увидел. Тем временем таинственный гул за спиной превратился в куда более узнаваемое кашляющее рычание, даже рев. Такие звуки могло издавать адское чудовище, что вот-вот настигнет несчастную жертву, или древний двигатель.

Машина!

Дорога за его спиной высветилась фарами. В это мгновение Андрей внезапно испытал сильное желание сойти с шоссе и, затаившись в сухой траве, позволить автомобилю проехать мимо. Одновременно и совершенно некстати он вспомнил, что когда-то давно, а может быть и совсем недавно, он точно так же ехал по пустынной дороге, освещая выщербленный асфальт мощными фарами. Окно было распахнуто, и ветер пах луговыми травами. Он смотрел на дорогу свысока, как если бы сидел за рулем джипа или даже...

Воспоминание ускользнуло.

Андрей повернулся в сторону приближающегося автомобиля и, отступив на обочину, поднял руку.

Через несколько секунд его ослепило: два белых сияющих глаза, появившиеся над вымершим шоссе, неслись прямо на него на приличной скорости.

«Пожалуй, из местных», – подумал он. Водитель, несомненно, знал дорогу и успешно лавировал между ямами, не снижая скорость.

Машина приблизилась, и, к своему удивлению, Андрей узнал в ней ржавую «Победу» из оставленного им бара. Автомобиль рычал и фыркал. Лицо водителя было скрыто в темноте кабины.

Прикинув, что его могут не заметить, Андрей принялся всю размахивать рукой, привлекая к себе внимание.

Не доезжая нескольких метров до него, «Победа» взвизгнула, как побитый пес, и остановилась, оставляя на шоссе две четкие черные полосы.

Не задумываясь о последствиях, Андрей поспешил к машине. Остановившись, она продолжала рычать, теперь скорее умиротворенно, почти как кот, только что полакомившийся мышкой. При этом, впрочем, машину била мелкая дрожь.

Протянув руку к ручке пассажирской двери, Андрей вдруг подумал, что «Победа» трусится от страха.

Встряхнув головой, отгоняя морок, он открыл дверь и, наклонившись, встретился глазами со своим недавним собутельником из бара. Мужчина крепко держась за руль одной рукой, второй сделал приглашающий жест, указав на сиденье, и отвернулся, уставившись на темнеющее шоссе, так, будто ему было совершенно все равно, ползет Андрей в салон или останется на обочине.

Андрей подумал было, что ехать по разбитой дороге в обществе алкоголика, только что хорошенько принявшего на грудь, по меньшей мере – самоубийственная затея. Подумал, что мужчина может отвезти его обратно в бар с целью ограбить или что его дружки ждут их где-то в пути – место было безлюдное и как нельзя лучше подходило для злодеяний.

И сел в машину, резко захлопнув за собой дверь.

3

Мужчина тотчас рванул с места, да так, что Андрея вдавило в ветхую ткань пассажирского кресла. Крепко ухватившись за руль левой рукой, он правой переключил передачу на третью и буквально через несколько секунд – на четвертую. Казалось, он почти не обращает внимания на дорогу и ведет скорее интуитивно, прекрасно разбираясь в географии ям и трещин.

– До города я тебя не довезу, и не мечтай, – хрипло сказал он, не поворачивая головы. Даже на расстоянии Андрей ощутил запах сивухи – складывалось впечатление, что после его ухода мужчина с горя выпил по меньшей мере еще литр, – высажу метрах в двухстах от автовокзала. А это, считай, город и есть, вот только я туда не поеду ни за что. Или могу, как вариант, отвезти тебя обратно, – он, наконец, взглянул на Андрея, повернув к нему черный во тьме салона овал лица, – в бар. Они раздобыли матрас. И попонку. Ночь скоротаешь.

Он снова уставился на дорогу, не дожидаясь ответа.

– Я... – Андрей помешкал немного, – послушайте, я благодарен вам и весьма. Признаться, я... – внезапно его осенило: – постойте, вы что, ради меня поехали?

– А что мне, грех на душу брать? – бросил мужчина. – Ты, я гляжу, совсем идиот, Киря, хотя, сразу и не разберешь. Я даже подумал, вот оно, пришло наконец и на мою улицу счастье. Появился у меня собеседник. Ан нет. Но, – он поднял вверх указательный палец, не отрывая руку от руля, – тебе... ах, падло! – в ответ на особо сильный толчок от которого «Победа» едва не развалилась на части, – тебе своя жизнь не мила, видать. Ну а им, – неопределенный жест назад, в сторону бара, – им на тебя тем паче плевать. Тут не каждый день развлечения, как ты сам понимаешь...

Андрей ничего не понял, но кивнул, стараясь не смотреть на дорогу. Ему все представлялось, что безумный алкоголик вот-вот перевернет машину, въехав в очередную яму, но в последний момент мужчина всякий раз объезжал ухабы, чертыхаясь и матерясь сквозь зубы.

– Ну так что? – с некоей надеждой переспросил водитель, – может, того... В бар, а? Юрьич сказал, что если ты бузить не будешь, плату за ночлег он не возьмет... Али ты парней испугался? – он хохотнул. – Так я же и говорю, развлечений у нас с гулькин нос, а тут ты подвернулся. Они безобидней будут, чем... – он осекся и оторвав правую руку от рычага переключения передач протянул ее Андрею, – я Паша, если ты забыл. Забыл, да?

Андрею ничего не оставалось, как пожать протянутую руку. Чего греха таить, он испытывал благодарность к пропитому Паше и даже и спорить не стал по поводу того, что тот упрямо называл его Кириллом.

– Я... Спасибо, Паш. Если я тебе должен что... – он полез было в карман, но мужчина остановил его небрежным движением руки. – Но в баре я ночевать не могу. У меня дела дома... – он задумался на мгновение, понимая, как жалко и вымученно звучала эта ложь, – так что, автовокзал будет в самый раз. Сразу и сяду на автобус... Позвоню только и...

– Там не ходят автобусы, – прервал его Паша.

Андрей изумленно уставился на мужчину. Поворачивая голову, он на миг увидел или ему показалось, да, несомненно, показалось, что он увидел, как дорогу перед ними перемахнуло размытое нечто, напоминающее давешнего зайца.

Павел и глазом не моргнул. Разумеется, ведь он и не заметил ничего подобного. Должно быть, наркотик, который ему подсыпали, вызывает галлюцинации.

Зайцы так высоко не прыгают.

Да и не существует в мире зайцев размером с крупного теленка.

Он почувствовал, как по шее за воротник скатилась капля холодного пота. Этот чертов заяц, вся эта нелепая ситуация... Автовокзал... На секунду он почти потерял контроль над собой и ему захотелось закричать, громко, неистово закричать, и кричать, не переставая, пока Паша не остановит машину и не выпихнет его на обочину, прямо на скользкую белую грибницу под тополем.

Сдержавшись, он тихим и почти безразличным, непрерывающимся голосом переспросил:

– Как не ходят? Закрыт уже автовокзал?

– Закрыт, – буркнул Паша.

Андрей откинулся на спинку сиденья и попытался успокоиться. То и дело машину подбрасывало на кочках и ухабах, но скорость не снижалась. Постепенно вечер окрашивался в бархатные цвета ночи. Поля сливались с черным небом и, казалось, машина несется по бурному морю тьмы, то и дело подпрыгивая на неожиданно жестких волнах. Силуэты тополей, высвечиваемые

фарами, приобретали фантастические очертания: не особо присматриваясь, можно было принять их за иссохшие руки, кости, обрамленные клочьями гнилой кожи.

- Так что там с баром? - упрямо повторил Паша.

- Паша, спасибо... - он кашлянул, - спасибо тебе за заботу, но я же сказал...

- Ну сказал и сказал, - отрезал мужчина, - мы... подъезжаем минут через пять. Я тебя высажу и уеду сразу же. Не зови, разворачиваться не стану. Как выйдешь, иди прямо вперед, тут одна дорога. До поворота, а там... ну, сам все увидишь. Мой тебе совет, иди сразу в город. На автовокзале не останавливайся. В двух шагах буквально - кафешка. Не бог весть что, но точно открыта до полуночи. Если подфартит, кто-нибудь тебя подвезет до гостиницы - это километр, не больше, по прямой. Тоже не Ритц. Там вполне... - он помедлил немного, - там безопасно. До утра.

Андрей открыл было рот, но мужчина предупредил его вопрос:

- И не спрашивай меня ни о чем, Кирилл. Я тебе все, что мог, сказал и как мог - помог. Мне тебя по-человечески должно быть жалко, конечно. Вот только судьба твоя, как это говорят-то... вне моей компетенции. Ну и ладно.

Он начал тормозить, на сей раз медленно, плавно снижая скорость. Остановившись, не стал глушить двигатель, но зачем-то выключил фары. Теперь Андрей понял, что еще не совсем стемнело - во всяком случае, он мог разглядеть дорогу, уходящую вперед, и все те же осточертевшие поля вокруг.

Он удивленно уставился на своего водителя. Тот махнул рукой вперед.

- Отсюда не видать, - с видимым сожалением произнес он, - потому как дорога идет на пригорок малость, а потом, сразу за холмом, поворот направо. Как выйдешь на поворот, метрах в пятидесяти, не более, будет автовокзал. Ну, ты его не пропустишь. Паша перегнулся через Андрея, обдав его сивушным духом, и открыл скрипучую дверь. В салон ворвался холодный воздух.

- Иди, - выдохнул мужчина.

Андрей пожал плечами и протянул ему руку, но тот не отреагировал, упрямо глядя вперед.

– Спасибо, Паша, – тихо произнес Андрей и вышел из машины. Пройдя буквально несколько шагов по обочине, он услышал, как «Победа» с ревом и визгом рванула вперед, объехала его, развернулась по широкой оси и, не включая фар, унеслась прочь, набирая скорость. Вскоре рокот мотора превратился в гул, гул в эхо, и вот уже только едва различимые полосы, оставленные плохонькой резиной на асфальте, указывали на то, что Андрею не пригрезилась поездка во тьме.

4

Оглядевшись вокруг, он не заметил видимых отличий от того места, где находился, пока Паша не подобрал его. Пожав плечами, побрел вперед, чувствуя, что дорога действительно идет в гору. Пройдя метров сто, остановился, с удивлением понимая, что запыхался так, словно был на большой высоте, где каждый шаг дается с трудом. Одновременно он понял, что действительно бывал в горах и знаком не понаслышке с разреженным воздухом высот. Упрямо хмыкнув, он продолжил путь и через метров сто, запыхавшись, вынужден был снова передохнуть.

– Вот же черт, – произнес он вслух. Не хватало только сердечного приступа в этой глуши.

Он упорно продолжал подъем: дорога теперь пошла резко вверх. Еще через пять минут он почувствовал, как усталость его достигла предела; ему казалось, что, несмотря на тяжелое и частое дыханье, в легкие почти не поступает воздух; ноги налились свинцом, перед глазами плясали блестящие мушки.

Еще несколько шагов – и все вдруг прошло, как рукой сняло.

Не удивляясь более, Андрей продолжал идти и буквально через минуту понял, что достиг вершины холма. За нею дорога резко уходила вправо, оставляя слева все те же бескрайние поля.

Прямо перед ним, буквально метрах в двадцати, подсвеченное несколькими тусклыми фонарями, располагалось приземистое двухэтажное здание с огромными окнами, занимающими почти весь фасад. На парапете, отделяющем первый этаж от второго, расположились черные в неверном свете фонарей буквы, складывающиеся в слово «АВ...ОВОКЗАЛ». Буква «Т» трупом лежала на асфальте перед полуоткрытыми входными дверьми, за которыми угадывался истерически ярко освещенный зал ожидания.

Широкий паркинг перед зданием был абсолютно пуст. Дорожное полотно разветвлялось и опоясывало автовокзал; справа дорога оканчивалась еще одним паркингом, на котором скрытые полутьмой были расположены в ряд немногочисленные бочкообразные древние автобусы. Слева шоссе немного сужалось и упиралось в перпендикулярно идущую дорогу, по обе стороны которой стояли темные, неосвещенные пятиэтажки в окружении сбросивших листву деревьев.

Андрей замер, не веря своим глазам. Он просто не мог не заметить крыш домов, света фонарей, сухих деревьев, многие из которых росли вровень с пятиэтажками.

Но он их не видел. Он не видел ровным счетом ничего, кроме шоссе, что, казалось, уходило прямо в небо, все то время, что он карабкался на пригорок. Он оглянулся, подсознательно ожидая увидеть крутой склон, – это послужило бы пусть и ненадежным, но все же – объяснением.

Дорога за его спиной полого уходила вниз. По всем законам оптики и здравого смысла он должен был заметить и автовокзал, и город еще несколько минут тому. Складывалось впечатление, что они были сотканы из теней в тот момент, когда он оказался наверху склона, запыхавшись так, словно проделал многочасовой путь в верхогорье.

Что за чертовщина? Он с трудом подавил желание протереть глаза, понимая, что город и автовокзал – вот они(!) – настолько материальны, насколько материальным может быть камень и бетон. Их реальность не вызвала сомнений, и все же он был уверен, он готов был поклясться, что минуту назад на их месте была лишь...тьма.

Город, открывшийся ему, оказался весьма странным. Не было видно положенных любому населенному пункту предместий, пригородных строений, автозаправок, СТО, чертовых стихийных рынков, в конце концов. Здания начинались сразу за автовокзалом, черными монолитами бросая вызов логике. Не было слышно звуков, сопровождающих жизнь человеческого муравейника: автомобильных моторов, шуршащих по асфальту шин, резких и требовательных клаксонов; далеких человеческих голосов; тихого и практически незаметного гудения, обозначающего бег электрического тока по проводам, – непреложных признаков жизни. Город стоял черный и мертвый. И черные мертвые деревья о чем-то просили у неба, вздымая руки-ветви навстречу небесной тьме.

Окруженный давящей тишиной и темнотой, он почувствовал сильное желание как можно быстрее зайти внутрь, благо зал ожидания был освещен. Уж коль там горит свет, то должны быть и люди. В конце концов, ночь только-только вступала в свои права – далеко на горизонте он все еще видел тонкую светло-серую полосу.

Андрей поспешил к зданию. Подойдя поближе, замедлил шаги и не без интереса посмотрел на стоянку автобусов по правую сторону от себя. Даже на сравнительно небольшом расстоянии ему сложно было разглядеть детали, однако он внезапно преисполнился уверенности, что несколько стоящих в ряд авто скорее находятся на вечном приколе, нежели пригодны для путешествия. Он сделал еще несколько шагов вперед и озадаченно присвистнул.

Ближайший к нему автобус, еле-еле освещенный фонарем, проржавел до дыр. Кое-где в рваные, напоминающие следы от пулеметной очереди отверстия, можно было с легкостью просунуть руку. Все без исключения стекла были выбиты. Крышка капота была вырвана с корнем и валялась неподалеку. Внутренности мотора напоминали клубок мертвых червей, застывших в причудливом танце смерти. Обе фары были разбиты – автобус слепо таранился на Андрея почти с человеческим выражением недоумения и обиды, навеки застывшим в ржавом металле.

Двери были открыты... Не просто открыты, но варварским образом выломаны и висели, чуть покачиваясь на полусгнивших креплениях.

Колеса многострадальной машины почти вросли в землю – резина расплавилась и растеклась вокруг дисков.

Андрей испытал сложную гамму чувств: недоумение, страх и... несомненно, любопытство. Ему захотелось проинспектировать салон изуродованного авто, и он с трудом сдержался, прекрасно отдавая себе отчет в том, что ничего существенно нового не увидит.

Прочие автобусы угадывались в тенях, но отчего-то он был уверен, что их состояние так же плачевно.

Андрей попятился и, споткнувшись о какую-то металлическую болванку, полускрытую в сухой траве, чуть не упал. Чудом сохранив равновесие, повернулся кругом и быстрым шагом проследовал к входу в здание.

Подойдя вплотную, он отчего-то остановился. За стеклянными дверями открывался вид на большой, хорошо освещенный зал с несколькими рядами красных пластиковых кресел. На одном из них, находящемся неподалеку от входа, лежало что-то, напоминающее меховую шапку.

Отбросив сомнения, он зашел внутрь.

Его шаги отразились от стен неожиданно гулким эхом. То, что он принял за шапку, оказалось облезлым серым котом, недоуменно приоткрывшим один глаз и уставившимся на Андрея с той оскорбительной надменностью, на которую способны только коты. Уверившись в том, что пришелец безобиден, кот потерял к Андрею всяческий интерес и мгновенно заснул, положив голову под лапу и снова обретя сходство с чьей-то забытой старой шапкой.

Андрей огляделся. По краям зала располагались стеклянные витрины касс, ларьков, торгующих газетами и журналами; он также заметил одно аптечное окошко и одну броскую вывеску над наглухо забранным ролетами проемом: «Великолепная выпечка Аси!» Все без исключения магазинчики и ларьки были закрыты. Кассы, казалось, тоже не работали, во всяком случае, он не увидел ни одного сотрудника за стеклянными витринами.

На стенах кое-где висели выцветшие рекламные плакаты. Большая часть надписей и рисунков стерлась, придавая плакатам импрессионистский оттенок, однако один из них сохранился почти полностью. На нем была изображена румяная женщина, окруженная столь же румяными детьми с большими круглыми головами. Дети хохотали и приплясывали.

В правой поднятой вверх руке женщина победно сжимала бумажный пакет, на котором развеселой палитрой было выведено: «Молочный рай». В левой, опущенной вниз и не столь акцентированной художником, был черный хлыст.

В зале за исключением спящего кота не было ни одной живой души.

В одном из углов Андрей заметил допотопного вида телефон-автомат. Он подошел, огибая кресла и озадаченно остановился, не веря своим глазам.

Кто-то намеренно обрезал провод на трубке. Она так и висела на рычаге, но теперь была совершенно бесполезна.

Андрей не придумал ничего лучшего, кроме как подойти к близлежащей кассе – окошко было открыто. Более того, на стекле красовалась выполненная когда-то золотой (а теперь частично облупившейся) краской надпись: «Работаем круглосуточно».

За стеклом находился стол, поверхность которого была полностью завалена пухлыми папками. Поверх одной из них валялся древний калькулятор «Электроника», шнур от которого тянулся к розетке. Подле примостился дисковый телефон неопределенного цвета, трубка была снята и лежала рядом, но Андрей не услышал гудка. Возможно, аппарат был отключен.

Многообещающим показалось ему наличие дымящейся чашки с темно-коричневым содержимым. Очевидно, кассир отошел по надобности и скоро вернется. От нечего делать он облокотился о стойку и принялся разглядывать вывески закрытых ларьков.

Метрах в двадцати от него находилась простая белая дверь, над которой зеленым светилось: «Туалет». Должно быть, именно туда и направился кассир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Песня В. Цоя «Пачка сигарет»

Купить: https://tellnovel.com/bushlatov_denis/hranitel-bezdny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)